

ДНЕВНИК МЕРКУРИЯ

Евгений Козлов

18+

Евгений Козлов

Дневник Меркурия

<https://litres.ru/73739302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дневник Меркурия является публицистическим дополнением к повести "Тирания термитов", раскрывающим во всем антиутопическом спектре страну Марссию. Планета Марс накалена раздорами и свидетель тех ужасающих событий Меркурий, косноязычно поведает о своей жизни, раскроет свои мысли в будущем подтолкнувшие его изменить социальный марсианский ландшафт.

Содержание

Тетрадь первая: Самоанализ	5
Свобода?	5
Лицемер	6
Култ и культисты	11
Мученики	14
Моя девственность	19
Плюсы сохранения девственности	25
Пропаганда вегетарианства	29
Не мои мальчики	35
Приспособленцы конъюнктурщики	39
Белое. Черное. Серое	43
Интровертные похороны	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Козлов

Дневник Меркурия

Планета Марс. Страна Марссия. 2202 год.

Тетрадь первая: Самоанализ

Свобода?

Свобода – это когда ты можешь написать любую книгу и уничтожить любую книгу.

Лицемер

Лицемерие. Как я понимаю это слово обозначающее образ поведения? Это когда человек думает и видит реальность, дает ей критическую оценку, но в самой реальности поступает иначе. Например, в голове своей он понимает, что грязь это нехорошо, но иногда обмазывается ею, даже способствует ее образованию. Меня иногда, называют лицемером. Что ж, я с тем согласен, я лицемер. Я живу в Марссии, где реализованы все аспекты марсизма, который осуществился не в современности, а был зачат с самого формирования данной государственности. Если такой политический окрас не подходит, могу выразиться религиозным языком и назову страну злой, либо с разумной точки зрения могу назвать ее просто деструктивной. И понимая, где я живу, мне бы следовало быть последовательным и прекратить любую свою деятельность. Ничего здесь не делать, ничего не производить, дабы не поддерживать ту иллюзорную нормальную жизнь, которая уже никогда не станет прежней. Но я поступаю лицемерно, я что-то делаю, я отвлекаю себя творчеством от ужасной повседневности, я продолжаю зарабатывать нефриты ради своей биологической жизни. Помню, как однажды я вышел на улицу ожидая узреть безлюдные тропинки и магазины, ведь люди охваченные ужасом марссийской войны

не будут продолжать жить так, как они жили раньше, но как оказалось, по улице шли люди, общественный транспорт наполнялся пассажирами, в магазинах выстраивались очереди. И я тоже был среди них, у меня тоже было свое дело, мне нужно было отнести посылку на почту. Вместо того чтобы всё бросить и тем самым высказать свой протест такой обманной жизни, я пошел, я делал вид, что всё нормально, будто всё по-прежнему. Лицемерно, как же жутко лицемерно. Я это осознавал тогда, я это осознаю сейчас. Всему виной желание жить. Ведь остановка какой-либо деятельности сулит смерть, потому что лишишься всего. Только смерть может забрать из этой реальности, из этой антиутопии, которую ласково называют родиной. Но умирать не хочется, а хочется жить. Потому живешь, с полным пониманием всей чудовищности того места, где живешь, и лицемеришь, продолжая жить и продолжая что-то делать. И другие люди живут почти точно также, единственное отличие, они отгоняют от себя тот пессимистичный взгляд на мир, который мне столь близок. Потому что пессимистично относиться к стране, в которой живешь, это значит быть всем недовольным, это значит не получать те пользы, которые та вручает всем оптимистично на нее смотрящим людям. Построение карьеры здесь, означает вовлечение себя в людоедскую рабскую государственную идеологию. Создание семьи означает подобное раболепие, когда детей отбирают у родителей всевозможные образовательные и военные учреждения. Песси-

мистичный человек, четко понимающий, где он живет, всё это отвергнет, и государственное образование и карьеру и откажется от создания семьи, потому что сверхнеразумно повышать демографию марсскийского государства, которому нужно больше пушечного мяса. Но такой пессимистичный человек продолжит жить, сохраняя надежду на то, что всё еще может измениться. Неизвестно как, но всё изменится. Тяга к жизни и надежда – это-то и является топливом лицемерия. Будущие поколения посмотрят на прошлое, и дадут свою правдивую оценку – ну и уроды же они были! И будут правы, и скорей всего поступят лицемерно, ведь будут жить, при хорошей жизни будут жить, и при плохой жизни тоже будут жить. Будущие оптимисты будут жить, и будущие пессимисты будут жить. Как и я живу, сижу за столом и создаю произведения искусства, обогащаю местную культуру. Пишу дневник, из которого словно сочится кровь. Я беру в руки чужую или свою книгу, и представляю, будто эти книги промокли от крови. Культура, в которой меня воспитывали, оказалась кровавой. Здесьние творческие люди делятся на три категории, те, кто стараются не замечать эту кровь, кто пытается ее отмыть, и те кто, поддерживая своим талантом убийства марсскийской войны, только усиливают потоки крови, которые затопили все области искусства. Я вижу эту метафизическую кровь, я не хочу создавать произведения местной культуры, не хочу писать на кровавом языке местного марсскийского народа, но создаю, пишу, потому что нуж-

но что-то делать, нужно делать вид что живешь и к чему-то стремишься, преодолевая ментальную тошноту и идеологическую брезгливость. Уничтожил ли культуру один человек? Нет, в том-то и дело, что не один, один он бы ничего не смог сделать, ему помогли тысячи, сотни тысяч, или даже миллионы. И поток хлынул и его уже не остановить. Всё пропитано, всё испорчено. Но читаешь комментарии людей и видишь, что им мало жить, им хочется жить хорошо, как раньше, хочется, чтобы зарубежные музыканты им устраивали концерты. Чтобы они сплясали им на крови, чтобы они спели, поперхнувшись кровью. Они не видят разницы, не хотят замечать. А что же произошло? Жизнь-то продолжается, кровь — это всего лишь плод больного воображения пессимистичного индивида, если она и есть, то не здесь, а где-то там, далеко. Всем известно, что жизнь пессимиста трудна и безрадостна, поэтому куда как лучше оптимистично думать так, как скажут, ведь говорят же — мы не виноваты, каяться не в чем, всё во благо. И марссийское государство за такой оптимизм еще и наградит, главное верь всему, ни в чем не сомневайся. Но и в них закрадываются сомнения. И они лицемерят. Все лицемерят, но пессимисты больше. Я ничего не хочу делать, но делаю. Плоды моих рук и головы, всё это свидетельства моего лицемерия после начала новой марссийской войны. Я жил, я делал, когда должен был не делать и не жить. Если хочешь что-то изменить, бастуй, прекращай всякую деятельность, всякую жизнедеятельность. Но для этого нужна

решимость, которой во мне нет. Храбрость, которой во мне нет и подавно. Есть только правдивый взгляд на самого себя. Когда меня называют лицемером, меня это не трогает, на правду глупо обижаться. За грудой протестной макулатуры скрывается обыкновенный трусливый человек, который иногда высовывается, что-то невнятное кричит и живет дальше, делая вид, что так жить можно, что это и есть жизнь. Когда это всего лишь дожитие.

Культ и культисты

Мне довелось встретиться с преданным фанатом известной в литературе личности, который своей собственной отворачивательной по поведению личностью настроил меня как против себя, так и той темы, которую тот по-пропагандистски творчески насаждал всюду, до чего мог дотянуться. Поведение культиста таково: он увлекается определенной эпохой, определенными мыслями и смыслами, всё это собирает и распространяет, причем насильственным путем, вторгается в чужие жизни и делится всем этим набором анахронизмов. Дескать, не так ты живешь, вот как надо, как завещал известный предок. Но то, что он транслирует, является древним ископаемым, это он несколько не понимает, даже мысли такой в нем не возникает. Если я публикую что-то другое, что отходит от учения его культа, то я сразу подвергаюсь нападкам, доходящим до оскорблений. Оскорбляя, культист требует внимания, более того, требует помощи, а именно денежной. После чего я смотрю на книги, которые у меня есть того древнего писателя, и хочу от них избавиться. Мне противен тот, кто мне пропагандирует ту личность и создает вокруг нее ауру нетерпимости. И видя, до чего могут дойти читатели, мне хочется всем сказать – не читайте мой дневник. Мне не нужно чтобы кто-то извращал мои мысли,

чтобы кто-то пропагандировал мои мысли, чтобы кто-то считал мои мысли идеальными и неопровержимыми. Всем нужно понять, что я пишу этот дневник только для одного человека — для самого себя. Я это я, не нужно сравнивать меня с другими личностями.

Вместо того чтобы отражать себя, фанатики отражают чужое. Отражая искажают. Если человек токсичен, тогда всё то, что он транслирует, будет токсично, свое или чужое всё опоганится. Но ладно когда свое, за свое лично творец несет ответственность, куда хуже, когда опошляется чужое. Ведь мертвый писатель уже ничего не скажет против трактовки его текстов, не воспротивится созданию культа вокруг его особы. Так и получается, что человек десятилетиями увлечен определенным культом, даже считает это занятие научной деятельностью, но неутешительный итог его трудов таков, что наоборот, он отвращает людей от мира своих изысканий. Только сам человек доподлинно знает себя, знает, что он хотел сказать и почему он это сказал или сделал, знает первопричину его мысли и замысла. И больше никто. Любой творческий человек одинок. В то время как его поклонники только наивно убеждают себя, будто они что-то понимают в объекте своего умственного вожделения. Хуже культа личности могут быть только культисты культивирующие какой угодно культ. Нужно больше уделять внимание самому себе, жить своей жизнью, а не умозрительно проживать чужую жизнь, попутно насильственно желая, чтобы и другие

жили также. Любой культ плох, ведь его создают плохие люди, бравирующие чужими благими намерениями. Увлекался ли я какими-либо личностями? Безусловно, да, но рано или поздно происходило прозрение, и, предавая забвению других, я находил себя.

Мученики

Предположу, что в каждом веке человеческой истории были истории о протестном человеке, который жаждал свободы, которого убили, и который воскрес. Тому посвящали многочисленные религиозные культы, один из которых дожил до наших времен. Данный культ я отношу к жанру исторического фэнтези и не устану это повторять, потому что достоверность его туманна, о том времени, о том человеке нет ни фото, ни видео, никаких доказательств, но только фантазии древних литераторов. История это разновидность некрофилии, когда люди увлекаются чем-то старым, давно разложившимся, отчего они довольно бесчувственно реагируют на современные события, которые должны быть им ближе, ведь эти события связаны с их настоящей единственной жизнью, к тому же на ошибках прошлого мало кто учится. Но вот я наблюдаю историю героя, который жаждал свободы, он боролся против марссийской власти, на которого было совершено покушение, его почти убили, но он выжил, он воскрес. Доказательства подлинности этой истории есть, вот и фото и видео, вот живые свидетели тех трагических событий, и после воскресения, когда его поместили в темницу, которая располагалась рядом с моим домом, он был совсем близко, не на облачках где-то там, в фантазиях литераторов,

меня с ним не разделяли тысячи лет, он был вот здесь, рядом. Но вокруг него не создастся религиозный культ, ведь религиозность создается только вокруг чего-то тайного и недостижимого. К тому же уже есть такой культ воскресшего человека, жрецы которого стесняются признать тот факт, что нынешний воскресший человек куда ближе людям нынешнего века, чем тот, фэнтезийный, который вполне мог существовать, ведь люди, которых убивали марссийские тираны всегда были и всегда будут, покуда существует марссийская власть. Но в том-то и суть религий, что о современных людях многое известно, как их хорошие качества, так и плохие, их умные высказывания и глупые, а вот людей живших в прошлые века можно обелить, можно акцентировать только на их положительных качествах, будто они были идеальными. Потому и увлекаются люди историями прошлого, потому что якобы тогда были идеальные люди, якобы не то, что сейчас. Хотя даже их литературные произведения, написанные в жанре исторического фэнтези рисуют воскресшего персонажа неоднозначно, нет, конечно, подается он как идеальный, но на деле сквозь толщину пафоса прослеживаются его негативные стороны. Я остаюсь при своем мнении, боги умирали тогда, умирают и сегодня, их прямо сейчас убивают. И вот бог воскрес, и его снова убили. Если бы тот фэнтезийный воскресший человек продолжил бы жить на Марсе и не совершил, так называемое вознесение в космос, то его бы снова убили, потому что власть мстительна. Если бы этот ре-

лигиозный культ был бы истинным и последовательным, то он должен был бы назвать злом всякую марссийскую власть и всякого марссийского правителя, по приказу которого был убит мирный человек исповедовавший свободу. Именно по приказанию марссийских властей убивают, именно властные марссийские структуры пропагандируют среди толпы насилие, отчего толпа потом кричит – убей, и радуется казни. Вот кто является злом и кто виновник всего зла на Марсе. Но религии о том молчат, потому что религия стала еще одним инструментом марссийской власти. Обожествление не нужно, создание культа не нужно, нужно только видеть, как в который раз умирает человек, умирает по-настоящему, не придуmano. И предотвратить это никто не может. Может быть люди прошлого, создавая культ вокруг фигуры мученика, которого убила государственная власть Марссии вкупе с властью жрецов Марса, надеялись тем самым изменить человечество, они, назвав мученика богом, возвысили его выше любой власти Марса, но это не сработало. Власть смотрит на изображения божественного мученика, власть читает о нем книги, слушает о нем проповеди, а потом идет и отдает приказ казнить другого такого же мученика. Если каста властей убила самого бога, то кого им вообще следует бояться в этом мире? Поэтому они смотрят на мученика из старых легенд и ухмыляются, потому что он есть олицетворение их всемогущества. И это так, ведь они взяли и извратили само учение того мученика, и якобы тот не говорил о свободе, тот не

говорил о миролюбии. Нет, государственные жрецы назовут это ересью, а власть нарекут посланной свыше. Потому-то проходят века, а поток мучеников не иссекает. Жрецы их запишут в перечень святых, а потом идут целоваться с палачами тех мучеников. Больше мучеников, больше святых, больше изображений, книг, подаяний, есть чем заняться, есть, где развернуться. Но стоит осудить палачей, проклясть марс-сийскую власть и вмиг лишишься всего, да и сам примешь мученический исход, либо культ станет катакомбным, непопулярным и оттого вскоре вовсе сгинет с лица Марса. Потому-то религии, культы, тянутся к марссийской власти, в руках которой бюджет, медийность, государственная легитимация. В таком высоком достатке мало мучеников, совсем нет святых, верней они есть, но не свои, не провластные мученики. Как бы то ни было, мученики не смогли искоренить всякую власть на Марсе, которая сама, убивая людей, каждый раз подтверждает свою злодейскую сущность. Марс-сийская власть это зло во плоти, которое сеет злой дух пропаганды насилия. Но все эти мои рассуждения также ничего не меняют. Это рассуждения, которые возникли в связи с современной историей о протестном воскресшем и убитом человеке. Одни скорбят, плачут, другие радуются его смерти. И небо разверзается высокоточными импульсными снарядами, зло во плоти улыбается, чувствуя свою безграничную власть. Но смерть прекратит однажды жизнь каждого, поэтому радость зла временна. Вот только написать историю

в жанре исторического фэнтези об очередном сильном властителе уже не получится, культ создать не получится, ведь все злодеяния марссийских властей надежно зафиксированы, библиотекарь фотограф и оператор помнят всё. Моя память будет помнить своих героев, своих мучеников, будет помнить всех злодеев. Но лучше бы тех грустных историй вовсе не было, пусть они станут тем историческим перегибом, которого люди будущего будут сторониться, не понимая, как предки могли жить при такой чудовищной марссийской власти, и вообще при власти, и почему некоторым людям приходилось бороться за свою свободу, посвящая этой борьбе всю свою жизнь. Размышления о будущем такая же фантазия, как и размышления о прошедшем, это я понимаю, но надежду на лучшее я вижу только там, я видимо, склонен к жанру фантастики. Впрочем, суть моих измышлений в событии настоящего времени, на которое вскоре я буду взирать как, на что-то пройденное, но не забытое. Всё уже было, и ведь кто-то надеялся, что в будущем такого не повторится, возлагая решение искоренения зла на других, но ошибся. Может быть, и я ошибаюсь.

Моя девственность

Недавно я задался вопросом – как я сумел сохранить свою девственность. И просмотрев свое прошлое, я выявил несколько важных причин. Первую причину я назову природной или врожденной. В период полового созревания я обнаружил в себе стеснительность, которая аккумулировалась при сближении с девушками, любое нахождение рядом, обращение, всё это моментально провоцировало физическую реакцию, будь то покраснение, потовыделение, иногда даже дрожь. Словно мой мозг воспринимал представительниц противоположного пола как нечто опасное, но чрезвычайно привлекательное и притягательное. Словно ядовитый цветок, так хочется его лучше рассмотреть, обонять его чудесный аромат, однако приближение к нему доставляет телесные неудобства, которые ощущать не хочешь, потому спасаешься бегством. Потому в двадцатилетнем возрасте появились и болезненные ощущения, например, стоило какой-то девушке поздороваться со мной, сказать одно слово, так потом я начинал ощущать боль в животе. Она, конечно же, не хотела мне навредить, всему виной темная сторона половых отношений. Половые отношения не только приятны, но и болезненны. И сохранение девственности это как раз бегство, как от приятного, так и от болезненного в половых отноше-

ниях. Человеку обладающего природной стеснительностью очень легко сохранять свою девственность. Однако эта стеснительность не означает, что юноша будет избегать женского общества. В моей биографии так сложилось, что я почти всю свою жизнь был окружен девушками. После школы я поступил в академию на профессию художника-оформителя, а значит, я был в группе, которая на 90% состояла из девушек. Потом учился в университете на учителя изобразительных марссийских искусств, где также были в основном девушки. После десять лет проработал в мастерской религиозного марссийского искусства, куда постоянно приходили молодые девушки. И я при этом сохранил свою девственность. Недавно я посмотрел видео, в котором люди рассказывали о своем первом половом акте, как они легко знакомились и у них всё происходило. Так и в моей жизни были постоянные томные взгляды, явные и скрытые намеки, я видел, как десятки девушек хотели наладить со мной контакт, на что я никак не реагировал. Оставаться нецелованным девственником, у которого не было отношений, при таком обилии предложений, это необычная история. Я просто не видел в том никакой ценности, у меня было совсем другое восприятие мира. Другие люди хотели наслаждаться молодостью, им это нужно было здесь и сейчас, они словно знали, что это светлое время скоротечно, в то время как я думал, что времени много и не нужно торопиться. И вторая причина заключается в том, что я как раз и поторопился, я

влюбился в пятнадцать лет в девушку, это событие можно называть по-разному, влюбленность, симпатия. Но тогда я почему-то решил, что она будет единственная девушка, которой я скажу – люблю. Так и вышло, восемь лет спустя я скажу ей – я буду любить тебя всегда. В моем романтическом понимании любовь подразумевает верность. Поэтому та моя подростковая влюбленность была приговором. Чтобы сохранить свою девственность, нужно влюбиться безответно. Это означает, что сильные чувства преодолевали мою стеснительность, чувства одолевали саму природу, однако это преодоление всё равно выглядело слабостью в сравнении с другими. Поэтому как бы стеснительный человек не преодолел себя, ему не стать уверенным и его геройство никто не оценит, если быть точнее Она не заметит. Любовь это потеря, ты полюбил, но тебя в ответ не полюбили, и это нормально. Девушки при первом взгляде интересовались мной, начинался флирт с их стороны, но затем они замечали, что я не говорю столько, сколько они бы хотели слышать, не веду себя так, как они бы хотели, чтобы я вел себя и, разочаровываясь, они отступали, когда гневаясь, а когда прохладно. И с чего бы той девушке, в которую я влюбился быть другой. Произошло то же самое, сначала заинтересованность, потом резкое охлаждение интереса. Разница лишь в том, что другие девушки лишь убеждали меня в том, что я природно непригоден для половых отношений, в то время как та, в которую я был влюблен, огорчала меня своим поведением.

ем, которое было нормально и предсказуемо. В том-то и дело, что любовь дело особое, здесь идет слом системы, я, преодолевая себя, стремился к ней, я хотел быть с ней, толком не понимая как этого достичь, но именно с ней я хотел отношений. Я был верным своей любви, поэтому, когда мне предлагали вступить в интимные отношения, я отказывал. Верность на самом деле печальна. Помню, как я ее не видел несколько лет, я молод, меня окружают десятки, если не сотни девушек, но той самой, которую я люблю, ее рядом нет, ради нее я готов преодолеть свою стеснительность, но не для кого. Помню, как я спрашивал себя – для чего мне учиться, чтобы потом найти хорошую работу, если любимой девушки не будет. Для меня всё было бессмысленно. Но молодые девушки, которые меня окружали, они не были безответно влюблены, они хотели легкости отношений, они с легкостью распрощались со своей девственностью, они нашли тех, кто не стеснялся, они не были романтиками. Впрочем, не будь во мне стеснительности, я всё равно был бы влюблен и верен. И не будь влюблен, стеснение сберегло бы мою девственность. Что такое девственность? Это незнание. Подверг бы я изменению свою молодость, будь у меня второй шанс? Конечно, да. Я хотел бы быть философски нейтрален ко всему, таким, какой я сейчас, во мне уже нет той стеснительности, да и любовь моя к той девушке стала малозначительной. Я всё тот же пятнадцатилетний юноша, у которого не было половых отношений, только мне больше тридцати лет и я задаюсь во-

просом, почему так вышло. А иначе и не могло быть. Вот почему мне столь понятны и близки девственность и миролюбие. Потому что миролюбивый человек, взирая на враждующие стороны, заявляет – я во всем этом участвовать не буду. Также и девственник показывает собой, что во всем этом он не участвует. Это осознанное бегство от опасности, от боли. Может быть, я специально полюбил именно такую девушку, которая точно бы мне отказала, которую можно было бы любить на расстоянии и при этом быть в безопасности. Или ответ она мне взаимностью, может быть моя жизнь стала бы другой. Как бы то ни было сейчас я могу только взирать свысока своего возраста на свою пройденную молодость, и спокойно принимать свою девственность, свое незнание половых отношений. Впрочем, девственность никак не подтвердить, не доказать. У меня нет никаких доказательств моих слов, кроме показаний свидетелей, но нет такого человека, который бы ежеминутно наблюдал за моей жизнью. Оно и не нужно, достаточно собственного понимания и принятия себя. Я описывал молодость, потому что она изобилует такими ситуациями, когда верность проверяется на прочность. После тридцати наступает безмятежность, когда девушки заняты, обзавелись семьями, они сделали свой выбор, и я им не нужен. И это хорошо, можно жить спокойно.

Интересно, а те взрослые люди, которые целуются, думали ли они когда-нибудь о том, что существуют другие взрослые

люди, которые никогда не целовались?

Девушки гнушаются взрослыми девственниками, потому что их просто так не соблазнить. Я, к примеру, за свою жизнь видел сотни девушек, учился с ними в академии, в университете, работал с ними. Меня девичьей привлекательной внешностью не удивить. Мне, девственнику, нужно видеть личность и ее нравственную ориентацию. В то время как девушки хотят понравиться только за счет внешности, дескать, вот, я красивая, я такая, надо ли больше? Как раз таки ваши природные выпуклости и впуклости девственнику безразличны, вы свою нравственную красоту покажите, именно нравственность для девственника в приоритете. Внешняя красота со временем увядает, а вот красота нравственности со временем только крепнет и расцветает.

Плюсы сохранения девственности

Нужно сказать, что сохранение девственности это в первую очередь протест, который присущ молодости. Когда молодой человек смотрит на своих бурно увлекающихся половыми отношениями сверстников, он делает выбор не уподобляться им, решает жить иначе, жить девственно, отказавшись от половых отношений. Протест это значит не быть таким как все, не делать то, что делают другие, которые в большинстве своем копируют предыдущие поколения, встраиваются в общественную систему, выполняя пропагандистский манифест марксистского государства о создании ячеек общества и о повышении демографии. Участие в половых играх это конформизм в самом неприглядном своем виде, это признак слабости человека перед инстинктами, перед соблазнами, и общественным давлением. И вот первый плюс, девственник является сильной независимой личностью, девственник может спокойно отказать соблазняющей его женщине, девственник сохраняет в себе юношеский максимализм на всю свою жизнь, и, будучи протестным человеком в единообразном обществе он может продемонстрировать свою индивидуальность. У девственника есть опыт девственной жизни, он может быть молодым девственным человеком, зрелым девственным человеком и вполне себе

пожилым девственным человеком, в то время как большинство людей ограничивают себя молодостью, они лишают себя опыта зрелой девственной жизни. Плюс сохранения девственности заключен в свободе, девственнику не нужно кого-то удовлетворять, за кем-то ухаживать, работать для кого-то, будучи индивидуалистом, он может не делить с кем-то свою жизнь, он может быть нищим, неопрятным, необразованным, потому что ему не нужно удовлетворять чужие вкусы и предпочтения, которые, как правило, всегда найдут к чему придраться. Не участвуя в брачных играх, девственный человек сам выбирает каким ему быть, хочет, будет бедным, хочет, начнет зарабатывать себе на жизнь, хочет, будет безразличен к своей внешности, либо, посмотревшись в зеркало, захочет что-то в себе изменить. Но изменения эти будут только для одного себя, и ни для кого другого. Девственность это индивидуализм в самом лучшем в самом ярком своем виде. Очень даже эмпатичный индивидуализм, так как девственник точно никогда не обидит ни одну женщину, ведь, сколько в половых отношениях боли, страданий, ссор, разводов. Девственник же в свой черед не делает женщине больно, так как он не лишает ее девственности, не обрекает ее на страдания беременности и родов, девственник не совершит изнасилование, так как он бережет собственную девственность, не спонсирует проституцию, и, в общем, не сделает всё то негативное, что обычно происходит в большинстве отношениях или в браке. Поэтому девственник со-

вершенно безобиден для женщин, девственнику легче воспринимать женщин простыми людьми, потому что от них он не ждет и не требует ничего полового. И раз уж речь зашла о беременности, то стоит упомянуть еще один плюс девственной жизни. Девственник стопроцентно бездетен, а значит, он не исполняет тупую государственную марссийскую пропаганду, для которой является важным появление на свет нового пушечного мяса и новых налогоплательщиков. Живя в марссийской стране самое верное решение, сохранить свою девственность, чтобы уменьшить деструктивистов хотя бы на несколько человек. В общем-то, и само марссийское антиутопическое мироустройство в котором есть боль, страдания, смерть, недостойно того, чтобы в этой вселенной хоть кто-то родился.

Положительная черта девственника состоит в том, что у него больше времени для рефлексии, он больше размышляет, в то время как другие попросту бездумно отдаются инстинктам. Природе или богу, им безразличны страдания людей, главное чтобы они бездумно плодились и размножались, тем самым питая смерть всё новыми людьми. В мире и так много болезней, глупо рисковать заразиться заболеваниями передающимися половым путем. Девственная жизнь весьма деятельна, так как девственнику нужно многим отказать, нужно подавлять ту животность, которая также в нем присутствует, нужно постоянно не попадаться на уловки общества, так как у половых отношений весьма привлекатель-

ная медийная реклама, хотя статистика разводов и разорванных отношений доказывает обратное. Протест это каждодневные действия, протест ради себя, для сохранности себя в этом чудовищном мире. Девственный человек не замешан во всей этой грязи, которая связана с половыми отношениями, со всеми этими ссорами, страданиями, слезами, рождением. Вселенная ужасна, и девственник, смотря на нее, говорит – да, я родился, мои родители совершили ошибку, родив меня, но лично я буду другим, не буду таким, какими были они, я буду лучше, я не стану умножать страдания и боль этого мира. Это плюс, это вдумчивое ответственное отношение к жизни. Девственный человек, особенно, будучи пессимистом, видит все эти негативные стороны половых отношений, и поэтому глупо было бы с его стороны в них участвовать. Точно также миролюбец не участвует в войне, а трезвенник не участвует в пьянстве. Потому что им это не нужно, они отрицательно ко всему этому относятся, как и девственник добровольно делает выбор не участвовать в половом отборе. В том-то и дело что для большинства людей неучастие воспринимается как пассивность, как отрицание самой жизни, и якобы все те деструктивные действия, производимые деструктивистами, вся та подготовка к пьянству и его последствия, и являются жизнью, это придает их жизням событийность и своеобразную значимость. Но в том-то и дело, что девственник удовлетворен своим выбором, он собой доволен, ведь он знает о плюсах сохранения девственности.

Пропаганда вегетарианства

На данный момент я вот уже восемнадцать лет как вегетарианец (это ровно половина моей жизни), и в том, что я об этом иногда говорю, не вижу ничего плохого, я говорю о своем нравственном выборе. Однако я стал часто замечать весьма агрессивную реакцию на упоминание вегетарианства в своих текстах или речах. А всё потому что, другие живут иначе, они сделали другой выбор, прикрывшись самой простой мыслью, дескать, так мир устроен и не нам его менять. Странно, но история человечества говорит об обратном, человечество постоянно нравственно, пусть и медленно, но эволюционирует. Из этой оправдательной мысли следует, что незачем развивать медицину, когда болезни, боль, вирусы, это так естественно, и нужно воспринимать все эти горести как часть природы и нисколько им не сопротивляться, нисколько их не ослаблять. Зачем противостоять марсизму, когда вражда естественна для людей, говорят другие, слушая очередного безумного вожака стаи и умирая за оккупацию чужого дома и разграбление чужих природных ресурсов. Эти же люди вегетарианство считают сумасшествием и извращением, в то время как убийство, расчленение и поедание трупов они считают чем-то естественным и даже должным. Я же считаю, что нужно противостоять природе,

насколько это возможно, напрягая для этого свой разум, который имеется у человека, не для ленивых оправданий, а для разумного выбора в пользу созидания. И главный вопрос, резюмирующий всё выше сказанное – кому выгодно то положение, которое называется естественным?

Различие пропаганды вегетарианства и пропаганды мясоедения состоит в масштабе. У мясоедения очень много рекламы, данную продукцию можно увидеть на экзотических выставках, и на городских выставках, в самих магазинах используют изображения. И никто, конечно же, не поинтересуется, а может людям противно видеть всю эту мертвечину? Мясоедение вообще схоже с религией, которую насаждают, не спрашивая у детей, а хотят ли они быть представителями данной религии, хотят ли они поедать трупы животных, которых в мультфильмах они видят живыми, говорящими, разумными. Мало кто задается такими вопросами, многие поступают, как принято, как заведено, как распространено. Хотя в некоторых религиях присутствует определенный расизм среди животных, это когда мясо одних разрешается поедать, а других нет, так как они либо грязны, либо наоборот священны. Но почему-то они не хотят назвать всех животных грязными или священными, чтобы, наконец, прекратить их массовое убийство. Данный расизм также можно различить среди домашних животных, когда одни виды животных обласкиваются так, словно они уже не животные, а полулюди, либо они кому-то заменяют детей. В то время как другие ви-

ды животных, находясь в ужасных условиях, выращиваются для убоя. Это противоречие меня всегда удивляло. Стоит мне открыть комментарии под видео, на котором заснят котик, которого не ударили, нет, а чуть-чуть подвинули, видимо слишком резко, так на хозяина данного животного тут же обрушивается шквал критики, дескать, вы слишком грубы с животным, нужно быть нежным. И смею предположить, что эти же люди смотрят все эти видео, поедая нежное мясо убитого животного, нисколько не спрашивая себя, а как с этим животным обращались, делали ли ему больно, умерло ли оно своей смертью или его убили. Такая странная избирательная эмпатия. Но лучше бы ко всем животным относились одинаково, никого из них не обижая и не убивая. И вопрос об их существовании мне видится очевидным. В моем городе выращивают лошадей, не для последующего их убийства и расчленения на мясную продукцию, а просто так, потому что они являются символом региона, его отличительной особенностью, только здесь разводится уникальная порода лошадей. Люди затрачивают свои усилия, свои ресурсы, для того, чтобы эти животные просто существовали, ведь вряд ли их выращивают для верховой езды, которая массово заменит транспорт. Их выращивают и сохраняют для того, чтобы они просто были, это тот же зоопарк, только больше, для выгула у них имеются целые поля. И других животных люди так же могут сохранить, не ради мясного бизнеса, а просто так, из чувства ответственности перед теми, кого

приручили. И все страшилки о том, что якобы бойни поддерживают существование животных, ошибочны, они просто не готовы утратить свой бизнес, не готовы к реформированию. Они занимаются массовым убийством, при котором животные погибают, не прожив полную жизнь. Но кого это заботит, когда они столь вкусны. Хотя самый дурной запах имеет именно разлагающееся мясо. Однако поедание его вошло в привычку, так отдых на природе обычно ассоциируется с поеданием мяса. Это тоже в своем роде пропаганда. Когда определенный продукт совмещают с образом веселья и радости, также обычно поступает реклама алкоголя. И вегетарианец живет среди всего этого обилия рекламы и остается верен своему противоположному выбору, и при всем этом, почему-то именно его обвиняют в пропаганде. словно само его существование является пропагандой, которую считают нездоровой. Тут всегда хочется спросить, если вегетарианцы, отказываясь от мяса, тем самым портят свое здоровье, значит, мясоеды здоровы. Значит, в больницы ходят только вегетарианцы, но почему же там такие большие очереди, раз вегетарианцы являются меньшинством? Где то особенное здоровье, которое дается всякому мясоеду, может быть, здесь имеет место преувеличение. Хотя я сам признаю природное устройство мира, которое нахожу чудовищным, и вполне могу признать тот факт, что человек, не отказавшийся от мяса, получает больше питательных веществ. Однако миф о том, что человек, отказавшийся от мяса жи-

вотных, через несколько лет заболеет и умрет, опровергается долгой жизнью вегетарианцев. Мне самому давным-давно подобное пророчили, причем предрекали люди, которые и года так не прожили, но спустя восемнадцать лет я вспоминаю их гнетущие предзнаменования и спрашиваю – почему они так думали? А все, потому что они воспринимают вегетарианство как посягательство на их привычную биологическую жизнь, все, что противоречит обыденному бытовому жизненному укладу, как правило, задавливается на корню. Людям лень нравственно эволюционировать, они воспринимают это как ограничение, они хотят убивать животных и поедать их трупы, тогда как вегетарианство им это не позволит, ведь вегетарианство это не разновидность диеты, это четкий отказ от убийства животных, также и миролюбие это отказ от убийства людей и причинения им насилия, в то время как люди почему-то хотят продолжать убивать друг друга на марсской войне вступая в ряды деструктивистов. Все эти запугивания происходят для того, чтобы человек даже не вздумал быть другим, чтобы он не явил собой другой выбор, ведь оказывается можно прожить жизнь, не убивая людей, не причиняя им насилия, не убивая животных и не причиняя им насилия. Конечно же, люди покупающие мясо в магазинах сами не убивают животных, но покупая данную продукцию, тем самым спонсируют убийство животных, точно также люди, материально поддерживающие деструктивистов, тем самым спонсируют убийство людей. Но жизнь

человека конечно важнее жизни животного, это даже не обсуждается. И тот, кто никоим образом не участвует в марс-сйской войне, уже поступает правильно. Однако этим нрав-ственный выбор не должен ограничиваться, и нужно делать следующий шаг. Сам же я уже давно сделал свой выбор, ко-торый никому не навязываю, обо всем этом я говорю толь-ко на страничках своего дневника. В обществе я никогда не говорю о вегетарианстве, единственное, что я могу сделать, так только мягко отказать, когда мне предлагают то, что я не ем. И да, еще есть распространенный миф, будто вегетариа-нец слаб умом, из-за нехватки неких питательных веществ в его мозгу. Однако почему-то я чувствую, что я готов на-прячь свой ум для изменения всего Марса. У меня уже есть одна идея.

Вегетарианство это ступень эволюции нравственности. Будьте нравственнее предков, ведь сейчас достаточно про-питания не связанного с убийством животных.

Не мои мальчики

Часто можно услышать глупую фразу, дескать, всегда нужно быть за своих и на стороне своих. Но кто такие свои? Это те, с кем ты живешь, кого ты воочию видишь, кого хорошо знаешь, и это знание дает тебе безоговорочное право давать оценку тому, о ком ты хорошо осведомлен. Тут мне вспоминается мое детство, в котором после школы я много времени проводил во дворе домов. И дети, встреченные мне на улице, как правило, делились на два лагеря, на детей довольно мирных спокойных и на детей склонных к насилию и деструктивному поведению. Были обычные хорошисты и самые настоящие малолетние бандиты с низкой успеваемостью в школе. Я, будучи довольно обычным спокойным мальчиком, видел всех этих малолетних бандитов, которые занимались разными нехорошими делами. Например, они могли нагло подойти и украсть чужую вещь, впрочем, они поступали хитрей, они вынуждали свою жертву самовольно отдать им вещь, и если жертва сама отдала свою вещь, то это было как бы уже и не воровство. Они могли избить кого-нибудь, чтобы продемонстрировать другим свою силу. Эти самые бандиты любили делить территорию двора, они сами назначали, где тебе спокойному мальчику можно ходить, а где ходить нельзя. Вот ты играешь на определенном участке дет-

ской площадки, а они приходят, и оккупируют ее, выгоняют тебя. Потому что они сильны тем, что они разрешили для себя насилие, для достижения своих целей они могут применить насилие, а у тебя, мирного мальчика и мысли такой не возникает. Мне мирному мальчику было достаточно той территории, какая у меня имеется, мне достаточно тех игрушек, какие у меня есть. Но бандитам хочется больше того, чем они располагают. Им также хочется разрушать, они видят вещи, и они хотят их изъять, нарушив телесное здоровье их владельца. Им мало той территории, которая им доступна, они хотят владеть всем. Они рано понимают, что насилием можно многое приобрести, насилием можно посеять страх среди трусливых мирных мальчиков. И эти самые спокойные мальчики, среди которых был и я, они видели этих так называемых своих, видели все их преступления, все их злодеяния, и в ответ охотно называли тех бандитов уродами, мерзавцами и многими другими словами с негативной окраской, отрицательной интонацией. Они жили рядом с ними и потому смело давали им правдивую оценку. Безусловно те малолетние бандиты внушали страх, но уважения к ним не было, я всегда в своих мыслях или в своих словах называл их конечными уродами, коими они и являлись. И почему-то у меня не было мысли, раз они свои, они живут со мной в одном дворе, то я якобы не должен говорить о них правду, и якобы я должен их жалеть. Вот, дескать, его позвали драться, прислали ему приглашительное сообщение, может даже деньги за

это заплатили, он руку сильно ушиб, ударив по чьей-то челюсти, и я этого бандита, такого бедненького должен пожалеть. Нет, его нисколько не жалко, жалко тех, кому тот бандит навредил. И вот эти бандиты выросли, и марссийское государство нашло применение их злодейским талантам. Наши мальчишки, жившие со мной на одной улице, всё также разрушают, убивают, грабят, оккупируют. О них всё хорошо известно, какие они, они не инопланетяне, которых я никогда не видел, и потому о них можно вообразить разное. Но эти-то, которые свои, они-то точно конченные уроды. Я их знал, я говорил с ними на одном языке, мы смотрели тот же экзовизор, нас окружали одинаковые деревья, дома и магазины, мы учились в одинаковых учебных заведениях, как и материальный достаток у нас был схож. Я вправе сказать всё, что я о них думаю, и вправе дать правдивую оценку их поступкам. Я мог быть как они, меня призывают быть как они, но я почему-то отказываюсь становиться разрушителем, отказываюсь становиться грабителем, отказываюсь становиться оккупантом. Мы сделали разный жизненный выбор, при том, что мы живем на одной территории. Это холодная гражданская война, которая начинается с самого детства. Да, они свои, но они свои уроды. И их сложно изменить, так как в их руках насилие, власть и цензура. Они себя поставили таким образом, они себя позиционируют таким образом, что якобы никто не должен говорить о них плохо. Они бандитствуют ради придуманных ими высоких целей, а ты мирный

спокойный мальчик, воспринимай их не как бандитов, но как героев. Почему-то, будучи маленьким, я мог сказать им всем, что я о них думаю, но став взрослым, по большей части молчу. Дети смелее и правдивей взрослых. Однако не так опасны те малолетние бандиты, которые рано умерли, но чрезвычайно опасны те некогда хорошие мальчики, которые насмотревшись на бандитов, во взрослом возрасте переняли их злодейские повадки, и принялись их реализовывать, прибегая к массовому насилию. И то злодейство, всем мирным людям, непременно нужно осуждать, развенчивая миф геройства. Но обзывательства не окончат дворовую холодную войну, нужно как-то внушить всем, что насилие это всегда злодейство, разрушение недопустимо, быть бандитом вообще не круто. Как изменить наших мальчиков, столь уверенных в том, что они поступают правильно? – мог бы я задать этим неразрешимым вопросом. Но, правда, в том, что я никогда не считал их своими, мои мальчики это мои немногочисленные мирные друзья, в то время как все дворовые объединения никогда не имели для меня какое-либо особое значение.

Приспособленцы конъюнктурщики

Прочел оправдывающий комментарий поклонника музыкальной группы, дескать, он не видит ничего плохого в том, что группа удалила все свои протестные музыкальные материалы и склонилась перед преступным политическим режимом Марссии. Что же им, с голоду, что ли помирать? – утверждает он. На это я могу ответить, рассказав о своей жизненной ситуации. Еще до начала марссийской войны, в 2199 году, я работал в сфере марссийского искусства, но покинул то место, где я проработал десять лет. Потому что я видел, как милитаризуется Марссия, и мне стало противно создавать произведения искусства, которые поддерживают эту деструктивность, которая определенно должна была разрастись и вылиться в ужаснейшее событие. Компромисса здесь не могло и быть, только уход, только неучастие во всем этом. Имея совесть и принципы, я просто взял и ушел, осознанно обрекая себя на нищету. И обвинения в продажности этих деятелей марссийских искусств обоснованы, так как и перед ними стоит выбор, либо ты служишь преступному государству Марссия, и твой денежный доход остается прежним, либо увеличивается, или ты отказываешься от сотрудничества и теряешь привычную заработную плату. И они именно что продаются, потому что они хотят денег, они не хотят ухуд-

шить свое материальное положение. Вот, я почти шесть лет живу в нищете, но эта нищета нисколько не довлеет над моим мировоззрением, я точно не помер с голоду, потому что заработать на хлеб, можно и не выступая на государственных марссийских площадках. Просто берешь и уменьшаешь масштаб своей творческой деятельности, сужаешь его, довольствуешься малым. Если страна Марссия, в которой ты живешь, оказалась преступной, если жители этой страны оказались убийцами и оккупантами, то ты, творческий человек, должен прекратить всякую общественную деятельность, потому что любое публичное выступление, будет считаться поддержкой политического курса страны. Публичным выступлением, творческие люди как бы делают вид, что всё как обычно, ничего страшного не происходит. Но в том-то и дело, что совесть не позволит творческому человеку изображать лояльность. Если человек музыкант, то он откажется от публичных концертов, но создавать музыку он продолжит, как и художник дома продолжит рисовать, а писатель начнет писать в стол, это можно назвать воздержанием или точнее безразличием. Но в том-то и дело, почему в последнее время стало так много приспособленцев конъюнктурщиков, да потому что они знают, где кормушка и кто их всех лучше наградит. Всех больше денег в государственных марссийских проектах или среди лояльных государству богачей спонсоров, и все конъюнктурщики прилепляются к ним, словно паразиты. Приспособленцы очень хорошо чувствуют, откуда

дует ветер, вот грянула марссийская война, начатая главным-командующим Марсимумом, и они молчаливо наблюдают за тем, что происходит. Вот, кажется, что деструктивисты их страны совершают массовые убийства не слишком быстро и не слишком удачно, отчего приспособленцы, кажется уже готовы позабыть о своем патриотизме и присягнуть на верность новой марссийской власти. Но вдруг ситуация выправляется, деструктивисты их страны стали снова наступать, оккупируя всё новые территории Землины, тут-то конъюнктурщики и смекают, ага, нужно приспособиться к текущей действительности и едут куда им прикажут, лишь бы все государственные марссийские площадки раскрыли пред ними двери. А тем временем мирный свободомыслящий творческий человек, не прогибается под действительность, потому что он против марссийской войны, и неважно, победят ли деструктивисты его страны или они будут разгромлены, его мнение не изменится. Принципиальный человек не гибок, он не конформист, безусловно, он принимает реальность, и выбирает совесть и нищету и никогда не заткнет свою совесть ради кровавых материальных благ. Люди на оккупированных территориях Землины, и правда, такие же люди, как и везде, вот только они находятся в заложниках, их насильно поработили, некоторую часть из них убили. И те творческие люди, которые к ним приезжают, что они хотят этим приездом показать? Дескать, правильно, что вас убили и оккупировали. Тем самым творческие люди становятся сообщ-

никами преступления, потому что не называют то, что здесь произошло злодейством. Но если вы нападение, убийство и оккупацию не считаете злодеяниями, то тогда тут не о чем говорить. Я хочу сказать лишь одно, не нужно оправдывать творческих людей, у всех у них есть выбор, так и у меня был выбор, сколько раз я мог вернуться на свою прошлую работу или выполнить работу, полученную от частного лица, которая будучи весьма денежной, не соответствовала моему миролюбивому мировоззрению, я отказывался от всего этого зла. Творческим людям нужно уметь отказываться от какого-либо сотрудничества с какими-либо государственными марссийскими институтами.

Белое. Черное. Серое

Вначале марссийско-землиной войны я заметил массовое непонимание моего миролюбия. Сегодня, простыми словами, я попробую объяснить мое понимание миролюбия. Ведь миролюбие это сугубо личное мировоззрение. Отсюда станет понятно происхождение вопросительно-восклицательного обвинения по типу – что, хочешь беленьким чистеньким остаться? Безусловно, миролюбие это крайность, миролюбие это отказ от любых форм насилия. Поэтому правый край прямоугольника будет белым. Другой край соответственно будет черным, это все виды агрессии и насилия. И посередине будет серая полоса, это серая мораль, которая подразумевает такой подход к жизни – насилие это плохо, но иногда при определенных обстоятельствах оно возможно. Такой взгляд на мир можно встретить повсеместно. И последней картинкой я хочу показать, как видит мир миролюбец, который видит только черное и белое, не желая разбираться в оттенках серого, которые по большей части являются попыткой оправдать черное. Белое – это миролюбец, который против насилия и против любой войны, он не будет нападать, но также и не будет защищать, либо защищаться насилием, он не будет участвовать в марссийской войне, как в оккупационной агрессивной войне, так и не будет участ-

воват в оборонительной войне, он никогда не возьмет в руки оружие. Черное – это человек, который не против насилия, но насилие активно применяет для реализации своих злодейских планов, он убийца, насильник, участник агрессивной марссийской войны. Серое – это прагматичный человек, приспособливающийся под реальность, корректирующий свое мировоззрение исходя из сложившейся ситуации, поэтому может жить мирно, до тех пор, покуда на него не нападут, и если напали, тогда он начинает использовать оборонительное насилие, или он начинает смещать свое умонастроение под воздействием той или иной конъюнктуры, такого человека можно назвать конъюнктурщиком или приспособленцем, поэтому сегодня он может быть за мир, а завтра может столь же уверенно выступить за марссийскую войну, ему ненавистны крайности, он находит их ограничительными, он не хочет быть совсем уж черным, также и совсем уж белым также быть не хочет. Серым обычно является антиутопическое государство, которое одновременно осуждает насилие одних, но при этом выдает лицензию на насилие другим. И вот, когда при агрессивной войне становится очень много черного, всех несогласных с черным, автоматически записывают в серость, что неверно, так как миротворец, если воюют две стороны, выступает против всех, так как для него, обе стороны совершающие насилие, одинаково черны. И, конечно же, одна из сторон считает себя обороняющейся, а другую называет агрессивной, в то же время другая сторона считает

точно также, только наоборот. Для миролюбца в мире есть только черное и белое, добро и зло, либо ты против любого насилия и убийства, либо ты не против насилия и убийства. Также и для черного марссийского министерства существуют только свои, которые обучены убивать и не свои, которые отказываясь убивать, являются дезертирами и предателями. Серость же колыхается то в одну сторону, то в другую, смотря на то, какое нынче время, мирное время или военное время. Крайности люди не любят, это я уяснил на собственном опыте. Утопии не любят, как и антиутопии также не любят. Однако для миролюбца, любое немирное устройство мира является антиутопическим.

Интровертные похороны

Я бы хотел, чтобы мои похороны были интровертными, просто бы закопали, без всех этих собраний, обрядов. Для чего столько внимания уделяют мертвецам? Лучше бы живых столько жалели, оплакивали и вспоминали. Непонятно для чего видеть труп, который всегда искажен смертью, есть в этом что-то странное. Облик живого сохраняют фотографии и видео, тогда как мертвец уже утратил жизнь, он разлагается. После меня останутся частицы моего разума в моем дневнике, останется не лопух на могиле, но плоды моего мышления. Иного поминания мне не нужно, другой памятник мне не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.